УДК 1(091), 159.9.01

DOI: 10.18384/2310-7227-2019-4-24-41

ЛИЧНОСТЬ КАК САМОДЕЯТЕЛЬНОЕ БЫТИЕ – ОСОБОЕ НЕОКАНТИАНСТВО С. Л. РУБИНШТЕЙНА

Колесниченко Ю. В.

Московский государственный областной университет

141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация. Целью статьи является стремление показать единую мета-парадигмальную сущность философско-психологического творчества С. Л. Рубинштейна. Процедура обнаружения центрального концепта творчества мыслителя включает в себя авторскую методику выявления философского затекста, а также применение приёма герменевтического согласования этого затекста с узловыми концентрациями соответствующей исторической эпохи. Диахронический и синхронический методы анализа приведены здесь к общему знаменателю исследования парадигмальной сущности авторской мысли. На обширном текстуальном материале показано, что данное качество есть философская парадигма интенциональности бытия (принцип единства сознания и деятельности), понятого как бытие активной личности (личностный принцип).

Ключевые слова: С. Л. Рубинштейн, мета-парадигма, неокантианство, личность, субъект, интенциональность, затекст

PERSONALITY (LITCHNOST') AS SELF-ACTIVE BEING – SPECIAL NEO-KANTIANISM IN S. RUBINSTEIN'S WORKS

Y. Kolesnichenko

Moscow Region State University

24, Very Voloshinoi st., Mytishchi, 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract. The article aims to prove the consistency of the meta-paradigmatic core of S. Rubinstein's philosophical and psychological works. Central-concept-reveal procedure is based on the authentic technique, which is related to the philosophical off-text discovery as well as to the hermeneutic method of harmonization of the off-text with key-concentrations of the respective historical epoch. In the study, diachronic and synchronic analytical methods are used to determine the paradigmatic core of the author's thought. Based on vast textual material it is shown that the mentioned quality is to be the philosophical paradigm of intentionality of Being (principal of consciousness-activity unity) taken as Being of active Personality (personal principle).

Keywords: *S. Rubinstein*, meta-paradigm, Neo-Kantianism, personality, subject, intentionality, off-text

Тема неокантианской составляющей философского творчества великого отечественного мыслителя С. Л. Рубинштейна продолжает небезосновательно волновать современную гуманитарную мысль. Вопрос остаётся открытым в силу недостаточной разработанности темы, что, в свою очередь, связано со сложностью самого предмета исследования, а также со скудной архивной базой. Единственным источником знания по данному вопросу долгие годы служила известная статья академика В. А. Лекторского «Немецкая философия и русская гуманитарная мысль: С. Л. Рубинштейн и Г. Г. Шпет», опубликованная в 2001 г. «Вопросах философии» [17]. В последнее время ситуация начинает меняться в лучшую сторону: в научный оборот включены некоторые до недавнего времени недоступные исследователю материалы, например, докторская диссертация С. Л. Рубинштейна по философии (университет г. Марбурга, Германия). Несмотря на то, что за последние годы в России было опубликовано несколько обстоятельных исследований по русскому неокантианству [10; 19], творчество С. Л. Рубинштейна не было подвергнуто детальному изучению. Данная статья призвана внести посильный вклад в разработку этого междисциплинарного (на стыке философии и психологии) вопроса.

Говоря о системе Германа Когена, Сергей Леонидович Рубинштейн призвал взять её не в её результатах, но в истоках, поскольку «вполне понять философскую систему можно, только вскрывая творческие мотивы, те действующие силы, соотношением кото-

рых определяется её конфигурация»¹. В предлагаемой вниманию читателя статье мы воспользуемся данным исследовательским приёмом, погружаясь в неокантианские истоки философско-психологического творчества самого Рубинштейна.

Главный исследовательский вектор нашего исследования будет лежать в плоскости *теории творческой самодетельности* С. Л. Рубинштейна, главного исходного постулата его ранней (1920-е гг.) философской концепции. В 1922 г. в статье «Основы творческой самодетельности. К философским основам современной педагогики» (Гл. 1 «Идея знания» утерянной рукописи «О законах логики и основах теории знания» [10, с. 129]) молодой автор прямо заявил о том, что «лишь в созидании из тех обломков и осколков человечества, которые одни нам даны, этического, социального целого созидается нравственная личность... Личность тем значительнее, чем больше её сфера действия, тот мир, в котором она живёт... Одним лишь актом творческой самодетельности создавая и его, и себя, личность создаётся и определяет-ся лишь в объемлющее целое»².

Имеющая здесь место отчётливая субстанциализация, на первый взгляд, исключает мысль о «неокантианском бессознательном» философской концепции С. Л. Рубинштейна. Но это

¹ Рубинштейн С. Л. О философской системе Г. Когена // Историко-философский ежегодник '92. М., 1994. С. 230.

² Рубинштейн С. Л. Принцип творческой самодетельности (К философским основам современной педагогики // Учёные записки высшей школы г. Одессы. Т. 2. Одесса, 1922. С. 154.

лишь на первый взгляд¹. Ответ на этот вопрос следует, по нашему мнению, искать в исходных теоретических предпосылках философской системы основателя неокантианской марбургской школы (а также научного руководителя С. Л. Рубинштейна) Г. Когена. Именно философия Когена (творчески переработанная Рубинштейном на иной субстанциональной основе) делает возможным предположение о том, что «принцип творческой самодеятельности» в философской психологии, также в социальной философии, есть переложенная на язык новой (субстанциальной-личностной) «метафизики» неокантианская квази-интенциональность бытия². В отличие от кантовской «статики», когеновское «сознание» становится динамичным, получает некий импульс движения, приобретает свойства феномена действующего, поступающего. Безусловно, это лишь самое начало исхода из кантовской парадигмы в направлении парадигмы «деятельностной», но

именно в этом моменте, как нам представляется, намечается качественное изменение самого методологического подхода к анализу вопросов бытия, значимое для Рубинштейна. Данная точка зрения высказывается также известным исследователем неокантианства и переводчиком «Теории опыта Канта» Г. Когена В. Н. Беловым, который отмечает, что «русские неокантианцы делают очевидным и внятным интенциональное содержание целого ряда неокантианских идей» [9, с. 183].

Сам Г. Коген начинает процесс отмежевания философии кантовского толка от идеи философии как чистого метода, объявляя *бытие трансцендентное внутренне динамичным началом*. «Его не устраивает кантовское представление о *пассивном* характере чувственности, ... будто именно благодаря моменту пассивности... субъект контактирует с предметом познания...» [22, с. 48]. В философии Когена, таким образом, нет объективного бытия как такого, в его классическом, метафизическом, смысле, в ней нет и не может быть классической («объектной») онтологии, но есть субъектность, представленная как сознание, как трансцендентность. Имманентность же есть главное качество, принцип организации, сама основа существования этой субъектности, как существования активного. Речь идёт об активном расширении «границ» трансцендентального бытия, его вторжение в ареалы бытия трансцендентного. Неокантианский принцип Г. Когена говорит именно об этой «творческой самодеятельности» *сознания/бытия*. Когеновское неокантианство эволюционирует у Рубинштейна в идею творческой самодеятельности

¹ «Логическая острота мысли» (И. Лапшин), свойственная, как правило, сочинениям более позднего периода творчества того или иного мыслителя, и в случае с ранними работами Рубинштейна намечает логический переход в своё иное, от неокантианской самоактуализации трансцендентального бытия – к импульсу бытия личностного, составляющего суть самой субъектности, а именно творческую самодеятельность личности.

² Здесь и далее мы пользуемся термином «интенциональность» как операционным понятием, положенным к применению в различных областях философского знания. Представляется, что этот термин может быть использован и для обозначения глубинной характеристики неокантианской эвристики. Безотносительно к его авторству, это понятие означает направленность сознания на предмет, своего рода активность сознания.

как главного качества активного *бытия/сознания*, то есть сознания не как философской категории объективного онтологического свойства, но как элемента человеческой, личностной ипостаси, категории по-новому понятого бытия. Сам Рубинштейн называет это в своей диссертации «новым трансцендентализмом»¹.

Рубинштейн, отдавая дань «Гегелю, схватившему суть бытия как Субъекта»², подчёркивает, что *неокантианство позволило трансцендентному бытию стать единственным*. «Понятие субъекта (по Рубинштейну) самоопределяется» в связи с его имманентной творческой активностью вовне. Здесь и далее Рубинштейн – Гегельянец, предполагавший новую субстанциальность (субъекта, личность) основой неокантианской трансцендентной реальности. Это – чрезвычайно значимый факт творческой биографии учёного (к слову, в самом названии докторской диссертации С. Л. Рубинштейна, в подзаголовке «К проблеме метода» обозначен «Абсолютный рационализм» Гегеля). Гегельянство у Рубинштейна позволяет философии неокантианства найти своё субстанциальное «бессознательное», преодолеть «методологическую» ограниченность в пользу полноценного философского знания, *фундированного новой субстанциальностью*. Гегелевский субъект перекидывает мост от «чистой трансценденции» к

«трансценденции» нового – личностного – типа.

Далее Рубинштейн идёт уже своим философским путём. Как верно отмечает Абульханова К. А., Рубинштейн «опирается на категорию субъекта, трактуемого не просто как источник активности (согласно Гегелю), но как источник «причинения»³ всего бытия» [4]. Так, в обозначенной выше диссертации Сергей Леонидович пишет, что «Subjekt und Objekt, Denken und Sein sind eins». То есть, Субъект и Объект, мышление и бытие – есть одно⁴. Базируясь на гегелевских, не на кантовских, фундаментальных философских категориях (прежде всего, на категории Субъекта), учёный настаивает на новом типе Абсолюта, отвергая старое определение субстанции как неизменной сущности вещей. Акциденция как свойство субстанции, по Рубинштейну, есть имманентное свойство по-новому понятого Абсолюта, Абсолюта, который и есть Субъект (активное личностное начало): «То, что абсолютное должно быть «субъектом» – а никак не «веществом» – если опосредованное, то только через себя даже опосредованное, если установленное, так только собой установленное: *абсолютное само должно быть тем, что его положения устанавливает*»⁵.

¹ Rubinstein S. Eine Studie zum Problem der Methode. I. Absoluter Rationalismus (Hegel) Teildruck: Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde der Hohen Philosophischen Fakultät der Universität Marburg. Marburg. 1914. 70 p.

² Там же.

³ Прим. автора: причинения не-креационистского, не причинного обусловливания.

⁴ Rubinstein S. Eine Studie zum Problem der Methode / I. Absoluter Rationalismus (Hegel) Teildruck / Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde der Hohen Philosophischen Fakultät der Universität Marburg. Marburg. 1914. P. 47.

⁵ Там же: С. 50. *нем.*: «Das Sein, das Absolute soll als „Subjekt“ – und nicht als „Substanz“ – wenn ein Vermitteltes, so nur durch sich selbst

Происходит субстанциализация неокантианской философии в философской психологии, проинтерпретированная в социально-философских и впоследствии в философско-психологических терминах *творческая самодеятельность*, понятая как *принцип организации бытия*. Личность, таким образом, становится трансцендентностью, транслитерацией бытия трансцендентального в новой системе философских координат. «*Der Begriff des Subjektes ist Selbstbestimmung*» и есть, по Рубинштейну, понятие «Субъекта-самоопределения». Таким образом, если интенциональность бытия как его главное, родовое качество, составляло основу когеновского новаторского видения кантовского трансцендентного, то идея имманентности, как само-построения бытия, преобразуется у Рубинштейна впоследствии в идею творческой самодеятельности (личности), поскольку творящее бытие отныне есть бытие не объективное, не трансцендентальное творящее, но трансцендентное личностное, активное.

Важнейшей составляющей философии Рубинштейна является основополагающая этическая компонента, выраженная Когеном в книге «Теория опыта Канта», где моральному закону придаётся значение аксиоматическое (по аналогии с математикой). «Хотя нет такой науки о моральных проблемах, которая была бы равнозначна факту математического естествознания, – пишет Г. Коген, – но методологическая аналогия состоит всё-таки в том, что этику не полагается верить в возмож-

ность порождения нравственного закона в его содержании, он в состоянии определить только формулу закона»¹. Рубинштейн есть ученик Когена, прежде всего, в своём этическом видении бытия, сквозь понимание ответственного личностного существования.

В рукописи раннего периода (при жизни не опубликованной) «О философской системе Германа Когена» Рубинштейн проявляет себя как принципиальный критик Декарта и Канта, настаивая на том, что бытие *per se* в обосновании мыслью не нуждается. Рубинштейн экстраполирует субстанциональное понимание бытия на себя, на личность, резко отвергая мысль о том, чтобы «получив обоснование и оправдавшись в своём праве на бытие, превратиться в производную функцию обосновывающей мысли»². Автор негативно относится к «отрицанию всякой данности», уже в первых своих самостоятельных трудах по философии утверждая принципиальность субстанционального начала в философии. Философия Рубинштейна есть метафизический поиск основы по-новому понятого бытия. Он находит его в личности.

Несовпадение с самой собой как главная сущностная характеристика личности, есть основа новой субстанциональности, основа *новой метафизики* (а не её отрицание, на чём настаивал Коген, не посчитавший возможным наполнение старых понятий бытия, онтологии, новым содержанием, (онтологического, не-трансцендентного,

Vermitteltes, wenn Gesetztes, so nur durch sich selbst Gesetztes sein: das Absolute selbst soll es sein, welches seine Bestimmungen setzt».

¹ Коген Г. Теория опыта Канта. М.: Академический проект, 2012. С. 232.

² Рубинштейн С. Л. О философской системе Г. Когена // Историко-философский ежегодник '92. М., 1994. С. 233.

а-трансцендентного свойства)). Именно в моменте несовпадения с самой собой личность становится носителем метафизического – трансцендентного – нравственного закона, совпадающего с границами трансцендентального бытия («*das moralische Gesetz in mir*»¹ – И. Кант). Тем не менее, полагая возможным расширительное толкование кантовской философии, именно Коген открыто говорит о том, что «это², вероятно, могло бы быть воспринято и как психология...»³. Для его ученика, С. Л. Рубинштейна, это оказалось поистине судьбоносным исследовательским выбором. «Решение задачи построения философской антропологии и онтологии он начал с разработки методологических проблем конкретной науки – психологии. Обращение к психологии было не только вынужденным, но и внутренне обоснованным: Рубинштейн предполагал найти доказательства этого единства в конкретной науке, которую он, знавший множество наук (начиная от истории, социологии, включая такие области философского знания как этика и эстетика, кончая естествознанием, физикой и математикой), выбрал как ключевую для данного доказательства» [4].

Категорический императив Канта, в случае с раннесоветским восприятием человека, работает не как противопоставление или внутреннее противоречие, но как *амбивалентность* (в том смысле, в котором её понимали, например, П. А. Флоренский

и академик Т. И. Ойзерман). Трансцендентальность *наступала* на трансцендентность, с неотвратимой силой движимая марксистской логикой безусловно активного субъекта как творческой личности⁴. Человек выступает для советской философской идеологии равно как средство и как цель. Отражённое знание о своём поступке, ответственное рефлексирование по поводу события в бытии, вызванного собственной деятельностью, и составляет качество личности. По Рубинштейну, имеет место некая личностная *проективность*, её деятельность, взятая как *творческая самодеятельность*, а также рефлексия вокруг этого действия/деяния. Категорический императив (постулат превращается здесь в категорический императив) – деяние, статика императива – в динамику социального поступательного движения субъекта (личности). Только так, по мнению Рубинштейна, может быть «раскрыта его (субъекта) специфическая онтология»⁵.

Психологическая призма неокантианского трансцендентного бытия выражалась у Рубинштейна следующим образом: «Всякая внешняя материальная деятельность человека уже содержит внутри себя психические

¹ Пер. с нем.: нравственный закон во мне.

² Комм. автора: т. е. кантовская критика чистого разума.

³ Коген Г. Теория опыта Канта. М.: Академический проект, 2012. С. 572.

⁴ К слову, современная философия продолжает эту линию снижения уровня абстрактности и онтологичности в бытии. Субстанциальность *вымывается* из объективного бытия – в субстанциальность бытия личностного, затем – в субстанциальность атрибутивных свойств личности (философия поступка, субстанциализация поступка), впоследствии – в нивелирование субстанциальности как родового свойства любой законченной философской системы.

⁵ Рубинштейн С. Л. Человек и мир. СПб.: Питер, 2012. С. 74.

компоненты (явления, процессы), посредством которых осуществляется их регуляция»¹. Совершенно точно отражает суть дела приводимое здесь замечание К. А. Абульхановой-Славской о том, что «принцип единства сознания и деятельности *содержал* в аккумулярованном виде *систему всех остальных методологических принципов психологии*» [1, с. 28]. Дополнением к высказыванию Ксении Александровны, как нам представляется, послужило бы замечание о том, что принцип единства сознания и деятельности как атрибутивных свойств личностного бытия, являлся базисом всех остальных принципов неокантианской философской психологии Рубинштейна.

Говоря о неокантианстве Рубинштейна, нельзя не отразить тот факт, что он является продолжателем идей Наторпа (ещё одного великого неокантианца марбургской школы, учителя Сергея Леонидовича) о личности как о «великом лозунге времени», как обобщающего понятия направленной свободной воли, как объекта и субъекта долженствования. Наторп ставит личность во главу угла новой онтологии, настаивая на атрибутивности её основных свойств (воли, свободы, долженствования), подчёркивая бесплотную, «жалкую теоретичность» философствования о свойствах вне соотнесения их с носителем. Наторп считает, что всякая атрибутивность великого лозунга нового времени должна быть *оличина*, обязана «приобрести личное значение»². Голые свойства

вне их соотнесения с субстанциальной (по онтологической значимости) Личностью остаются для Наторпа «абстракцией». Рубинштейн, вслед за Наторпом, призывает к практическому познанию. Простая (обобщающая) теория, по Наторпу, безлична, а потому менее ценна. *Личностность* ставится во главу угла гуманитарной истинности [15; 16].

В произведении «Основы творческой самодеятельности» Рубинштейн вырабатывает новые принципы эманулирующего трансцендентного бытия, понятого как бытие поступающей личности. Субъект есть, таким образом, модус, атрибут новой субстанциальности, субстанциальности познаваемой, активной. Трансцендентное, т. е. субъектное бытие («эпицентральный принцип» [12, с. 58]), по Рубинштейну, формируется под воздействием векторного (в терминологии К. А. Абульхановой-Славской, «направленного») действия внешних стимулов, трансформирующихся в явленное бытие посредством внутренних условий. Внутренние условия (личностное психическое) есть основа явленного бытия, есть «основание развития явлений»³. Таким образом, внешние причины в развитии психического выступают в данной тандеме как обстоятельства, а внутренние условия – как причины. Представляется, что, по Рубинштейну, именно в этом аксиоматическом моменте неокантианская философия, взятая, как метод, подлежала трансформации в принцип творческой самодеятельности субъек-

¹ Рубинштейн С. Л. Принципы и пути развития психологии. М.: Издательство АН СССР, 1959. С. 253.

² Наторп П. Развитие народа и развитие личности. СПб., 1912. С. 135.

³ Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. СПб.: Питер, 2012. 288 с.

та как атрибутивности личностного бытия.

Психологическая теория Рубинштейна (по самосвидетельству автора) в её главных методологических принципах и основаниях не принадлежит области психологической науки в чистом виде [5, с. 24]. Представляется, что это – аксиоматический набор понятий и принципов, находящихся в методологическом и понятийном плане между собственной философской и психологической формами познания. Принцип творческой самостоятельности личностного бытия, а также принцип единства сознания и деятельности (личности) есть неокантианские философские основания психического, когда субстанция искомого философского знания с целью поиска своей подлинности и научной фундированности прибегает к использованию форм познания конкретной эмпирической науки, возвышая её теоретические основания до соответствующего уровня методологической абстракции, формируя, таким образом, её методологическое ядро. По Рубинштейну, «проблема саморазвития, самодвижения, движущие силы развития как его внутренние причины»¹, есть корреляция неокантианского принципа активности трансцендентального («посюстороннего», познаваемого) бытия. Недаром Шевцов (правда, несколько категорично) пишет о том, что лишь С. Рубинштейн, защитивший в 1914 г степень по философии в Германии, хранил какой-то философский дух, благодаря чему, собственно говоря, и

смог осуществить поворот от реактологии к психологии сознания в середине тридцатых годов XX столетия [23, с. 9–10]. Действительно, комментируя труды Н. Н. Ланге, Рубинштейн восторженно отмечает то веское дополнение, что сделал отечественный учёный «к картине жизни сознания, которую даёт феноменологическая и логическая концепция Гегеля»². А *a priori* базируя свои научные взгляды на гегелевской методологии, Рубинштейн открыто выступает против эмпиризма и позитивизма (на лицо – «конфронтация с эмпирической психологией» [2, с. 25]), подчёркивая их философско-методологическую ограниченность, где объективное бытие принципиально и максимально удалено от субъективного, противопоставлено последнему, где оно пассивно. Рубинштейн против «кантовского негативного понятия объективности»³.

Здесь необходимо отметить, что для уяснения сути Рубинштейновского понимания объективности принципиально важным является понятие *завершённости*. Объективность, по Рубинштейну, не есть независимость от субъективного, но внутренняя завершённость сущности, её целостная самодостаточность и, таким образом, абсолютная сущностная самоопределённость, деятельная самость, «то, что не имеет предпосылок вне себя... Независимость – негативное выра-

¹ Рубинштейн С. Л. О философской системе Г. Когена // Историко-философский ежегодник '92. М., 1994. С. 230–259.

² Рубинштейн С. Л. Н. Н. Ланге // Народное просвещение. 1922. № 6-10. С. 69.

³ Рубинштейн С. Л. Принцип творческой самостоятельности (К философским основам современной педагогики // Учёные записки высшей школы г. Одессы. Т. 2. Одесса, 1922. С. 69.

жение самостоятельности»¹. Самость, сущность, таким образом, не определяется через соотношение с внешним, но как определение внутреннего качества, определение через самое себя. Объективность определяется завершённостью собственного его содержания. Автор манифестно заявляет здесь о собственном понимании объективности. Замыкание в завершённое, т. е. целостное (*самостоятельное* целое) есть главный критерий объективности.

Объективность включает в себя, таким образом, элемент эманации, переходящей в обязательную творческую самодеятельность. «Объективное бытие необходимо включает в себя элемент *творческой* (т. е. активной, направленной) конструктивности». Философ настаивает на том, что «система, в основу которой было положено пассивное восприятие готовых результатов ... бездеятельная и бесплодная рецептивность, должна быть заменена системой, основа и цель которой – творческая самодеятельность»² (для сравнения, у современника Рубинштейна М. М. Бахтина – ответственного поступка).

Следует отметить, что большинство (за исключением разве что Л. Карсавина) гуманитариев того времени предпочитало вводить понятие личности в текст своего произведения *катафатически*, т. е. не через его название/определение, но через определение его атрибутивных свойств. Так,

без каких-либо логических переходов, предполагаемо выходящий на авансцену философский *затекст* Рубинштейн «говорит» здесь с читателем о личности как об объективном бытии, об одном внутренне связанном целом³. Напомним, что если сам текст носит линейный характер явленной смысловой очевидности, то затекст есть связь самого текста с так называемыми фоновыми знаниями, которые существуют вне данного текста и являются частью культуры. Применительно к специальной области философии, затекст есть, таким образом, реальность философского бытия, описанного автором средствами выбранного им философского анализа. Затекст присутствует в авторском тексте в неявленной форме и требует для своего обнаружения пошагового герменевтического снятия явленных смыслов текста, «затекстность – непокрываемость текстом идейного богатства дум» [14, с. 142], ведёт к «подразумеваниям – дополнительным ... уточняющим смыслозначимостям»⁴. Базируясь на

³ Там же: С. 153.

⁴ С целью выявления философского затекста необходимо произвести процедуру биоллингвистической редукции. Не свести, но, наоборот, *вывести* текст из постоянно присутствующего в нём не критически вводимого центрального термина, вокруг которого, по отношению к которому выстраивается спонтанная логика самого произведения. Периодически случающиеся в тексте *прорывы* ткани конвенционального повествования логикой иной мыслительной конструкции необходимо отнести не к случайностям и недоработкам текста (в особенности, в случае с авторами – признанными классиками мысли), но к разряду событий биоллингвистического плана, а именно феномену *затекстуальности*, требующему тщательной дешифровки, соответствующе-

¹ Там же: С. 148.

² Рубинштейн С. Л. Принцип творческой самодеятельности (К философским основам современной педагогики // Учёные записки высшей школы г. Одессы. Т. 2. Одесса, 1922. С. 148–152.

биолингвистической теории затекста, можно сделать вывод, что очевидный последователь западноевропейских философских традиций, С. Л. Рубинштейн тем не менее литофанически предполагал необходимым условием своей *положительной* философии (термин Шпета Г. Г.) концепт личности, обеспечивающий уникальную целостность живого социального бытия¹ [21].

Но вернёмся непосредственно к предмету нашего исследования.

го герменевтического усилия. Адекватность выбранных исследовательских средств авторской стратегии мысли, а также её тактике на каждом отдельном участке, сегменте текста, есть залог эффективной дешифровки главного качества, а также иных сущностных философских моментов произведения. В связи с этим, представляется, что здесь у Рубинштейна (равно как, например, у М. М. Бахтина, подразумевавшего носителем онтического бытия личность), «затекстовая», интенциональная тема личности *прорывается* сквозь ткань философских и герменевтических, эстетических, семиотических текстов, перескакивая через несколько ступеней собственной аккуратно выстроенной системы философской доказательности. Аксиоматическое, внекритическое введение понятия личности в систему новой феноменальности на страницах статьи «Принцип творческой самодеятельности» доказывает вышеуказанное в должной мере. Представляется, что те же исследовательские приёмы уместны к применению при герменевтической процедуре прочтения работы С. Л. Рубинштейна «Проблемы общей психологии» (М, 1973).

¹ Об этом феномене, используя, однако, иной определенческий подход, говорит Славская А. Н., подчёркивая «имплицитность» (вне развёрнутого доказательства) методологических принципов, применяемых Рубинштейном в его трактовке соотношения сознания и личности, называя «затекст» *интерпретацией* [45, С. 12–13].

Итак, по мнению Рубинштейна, теория Канта действует разрушающе на единство личности, на новое объективное бытие – на бытие *сОбъективное* [16]. Рубинштейн говорит здесь о необходимости установления соотношения деяний и субъекта, взятых в их собственном содержании. Но это может означать, с философской категориальной точки зрения, также единство субстанциональности и атрибутивности его свойств. «Катафатически» относясь к новой субстанциальности в своих ранних философских трудах, Рубинштейн, тем не менее, совершенно отчётливо говорит о ней в работах философско-психологических, называя её впрямую «личностью», по отношению к которой и субъект, и его деяния есть свойства её субстанционального качества [3, с. 335, 340]. Таким образом, обеспечивается само-конструирование феноменологически понятого бытия, «субстанциальной» феноменологии на русской почве. Уникальное понятие русской философии – понятие личности – в силу своей предельной понятийной полноты субстанционального свойства, есть центральный идентификатор не только эпистемологического, но онто-гносеологического модуса русской философии в целом. Неприемлемая дихотомия субъекта и объекта растворяется в философии творческой самодеятельности, субстанциальным «деянием» снимается извечное противопоставление, более нет субъекта и объекта, но есть личность в её единой сОбъектной сущности.

В. Л. Махлин (говоря, правда, о М. М. Бахтине), в сопоставлении его идей философии неокантианства, обращается к «решающему в XX в. со-

бытию *поворота от традиционной гносеологии к новой онтологии*» [18, с. 22]. Не углубляясь здесь в спор об основных философских понятиях и категориях «традиционной гносеологии», отметим лишь, что нам представляется не вполне корректным (с методологической т. зр. как раз) подобная редукция гносеологии к пусть и новой, но онтологии. По нашему мнению, точнее было бы сказать, что онтология традиционного толка утрачивает свой субстрат, свою привычную объективную субстанциальность как некое трансцендентальное бытие, положенное к познанию субъектом. Сам субъект, в его *личностном* качественном определении, становится основой, субстанциальностью той самой новой онтологии (*сОбъективного* теперь бытия), в которой поступок есть его главная атрибутивность, определение его как *субъекта деятельности*. Введение в философское поле категории поступка в качестве субстанции нового типа (тем более формирование вокруг него новой онтологии) является, таким образом, как мы говорили ранее, неверным эвристическим ходом при попытке решить вопрос онтогносеологических особенностей отечественной философии 1920–1930-х гг., в том числе философских оснований раннего творчества С. Л. Рубинштейна. При подобной трактовке Субстанция (бытие) становится производной функцией атрибута, акциденции, т. е. объективное трансцендентное побеждено трансцендентальным, трансцендентальность захватывает, поглощает объективное бытие, неизбежно превращая последнее в меон. Объективное бытие приобретает в новой системе координат меональное определение, мео-

нальный статус чистой, невопощенной потенции (в том смысле, который вкладывал в это понятие Н. Минский).

Итак, Личность – это трансцендентность бытия, трансцендентность как качество феноменального бытия субъекта, транслитерация бытия трансцендентального в пред-авангардном парадигмальном поле. Русская философия, плотно сращенная в своих главных метафизических чаяниях с психологией – это трепет метафизически устремлённой души. К её объекту нельзя, в связи с этим, относиться, как к средству исполнения мысли. Онтологизирование философских сущностей, принципиальная субстанциализированность есть родовое свойство русской философии, её главное качество. Ограничение философии «методом» (Кант, неокантианство) требует разрешения «тесноты её души» в традициях отечественного любомудрия. Метод призван обслуживать субстанциальность, не наоборот. С. Л. Рубинштейн «преодолевают гносеологизацию философского знания» [4], являясь прямым наследником двух традиций философского знания – немецкой и российской. Сделав поиск Бога «делом своей души, своей жизни, своей судьбы»¹, он фундирует «своё» неокантианство (через гегелевского *субъекта*) субстанцией личности, обеспечивая таким образом переход к новой парадигме гуманитарного

¹ Рубинштейн С. Л. Строки, написанные сердцем. Краткие выдержки из дневника учёного. О философии и философе (Автобиографический портрет учёного) // Рубинштейн Сергей Леонидович. Избранные философско-психологические труды. Основы онтологии, логики и психологии. М.: Наука, 1997. С. 460.

знания в области онтологии, философской психологии, а также самой научной психологии. Онтичность личности выражается в её субъектности, субъектность есть родовое качество личности, сущность, определение её качества. Личность есть синоним бытия, *Личность и есть бытие*, бытие активное, где имманентная активность, интенциональность есть суть его определения, есть личность как таковая. С. Л. Рубинштейн акцентирует внимание на разработке методологического аппарата, способного непротиворечиво обслуживать «новую метафизику», «новую онтологическую интерпретацию человека и его бытия как субъекта в мире» [21, с. 11]. Ту метафизику личности, которая была призвана непротиворечиво соединить философский дискурс с прикладными гуманитарными дисциплинами, и прежде всего психологией, но без разрушения целостности исследуемого духовного субъекта, без лишения его своей уникальной специфики, без превращения личности в исследуемый пассивный объект. В 20-х гг. вызревает, а в 30-х получает своё фундаментальное развитие *принцип субъектности как личностной функциональности в бытии*. [6; 11].

Важно отметить, что данный теоретический концепт явился одним из наиболее продуктивных концептов фундаментального научного значения, по достоинству оценённых отечественной психологической наукой. Современник С. Л. Рубинштейна «диалектик-марксист» А. М. Деборин считал, что «субъект есть деятельность, свободное творчество» [11, с. 204]. Применение этому принципу мы находим также и в современ-

ной политической психологии. Так Н. М. Ракитянский утверждает, что «атрибутом субъекта деятельности также признаётся его способность к рефлексии, суть которой в широком смысле во многом совпадает с осмыслением феномена самосознания. Субъектность определяется не только пониманием человека как основанием самого себя, но и самопричинностью – *самодетерминацией*. В онтогенетическом плане субъект – это человек, являющийся основанием собственного становления и развития – личностного *самосотворения*» [20, с. 408]. Структура теории Рубинштейна предполагает поступающую, активную личность («этический субъект»¹) к самоопределению и как следствие – самоосуществлению. Психология стремится перейти здесь из области значений в область смыслов. («Смысловая сторона жизни принадлежит ... личности» [13, с. 77]).

Успешно разрешая проблему принципиального различия материального и объективного, Рубинштейн настаивал на объективном характере знания, тем не менее, по мнению философа, объективность знанию предаёт именно познавательная активность личности. Объективное знание «является конструктивным, т. е. конструируется, создаётся, формируется в ходе творческой самодеятельности». В статье 1934 г. «Проблемы психологии в трудах Карла Маркса» философ подчёркивал неразрывность ментально-деятельного комплекса субъекта, говоря о том, что сознание просвечивает через «де-

¹ Рубинштейн С. Л. О философской системе Г. Когена // Историко-философский ежегодник '92. М., 1994. С. 252–253.

тельность, в которой формируется и раскрывается»¹. В. А. Лекторский подчёркивает, что для Рубинштейна бытие «не существует вне творческой самодетельности» [17, с. 133]. Согласно же терминологии К. А. Абульхановой-Славской, субъект у Рубинштейна есть «разрешающая возможность» личности. Личность и есть эта социальная активность.

Таким образом, философия Рубинштейна есть философско-психологическая теория поступающей личности, что есть субъектность как главное онтологическое свойство бытия (*сОбъективный* макро-косм), а также психологическое качество личности (*сОбъективный* микро-косм), в своей сущностной основе. Поступающая личность (субъект) осуществляет свою деятельность как проявление своего главного качества – субстрата конкретного, наличного человеческого бытия. В отношении к другому, в процессе поступательного взаимодействия субъектов, личность осуществляет *деяние*, т. е. всегда нравственный поступок, определяющийся этическими нормами. «Каждое действие жизни есть суждение о природе сущего и правде Божией»², – полагает С. Л. Рубинштейн. Субъект, осуществляющий «деяние»³, становится эти-

ческим субъектом, т. е. личностью, ответственной за свой поступок, за свою деятельность, поскольку «задача всякого деяния есть созидание этического субъекта»⁴. Деяние, явленное в ответственном поступке, – творческая диалоговость, в современной интерпретации есть интерсубъективная (коммуникативная) реальность. Личность – собирательный принцип психологии *vs* принцип функционализма, «раздроблявшего личность».

Долгое время «замалчиваемая», в связи с известными историческими событиями, тема личности в творчестве С. Л. Рубинштейна вновь приобретает своё звучание на поздних порах философско-психологического творчества учёного. Советская философская психология основывается на системных построениях, изложенных, прежде всего, в таких трудах, как «Бытие и сознание» (1957) и «Человек и мир» (1973). Здесь приобретают своё глубокое «философско-методологическое содержание идеи, имеющие парадигмальное философское значение для психологии» [7, с. 6]. Оформленное в концептуальных рамках философии и психологии, в рамках определения предмета последней, философское завещание С. Рубинштейна связано, прежде всего, с его идеями личности, её роли и места в мире. В указанных трудах решаются вопросы «онтологии-бытия»

¹ Рубинштейн С. Л. Проблемы психологии в трудах Карла Маркса // Советская психотехника. 1934. № 1. С. 8.

² Рубинштейн С. Л. Строки, написанные сердцем. Краткие выдержки из дневника учёного. О философии и философе (Автобиографический портрет учёного) // Рубинштейн Сергей Леонидович. Избранные философско-психологические труды. Основы онтологии, логики и психологии. М.: Наука, 1997. С. 460.

³ «Деяние – это, собственно говоря, произ-

ведённое изменение и произведённое определение наличного бытия. К поступку же относится только то, что из деяния входит в намерение, иначе говоря, было в сознании, то, следовательно, что воля признает своим» (Гегель Г. Ф. В. Работы разных лет: в 2 тт. Т. 2. М.: Мысль, 1971. с. 9.).

⁴ Рубинштейн С. Л. О философской системе Г. Когена // Историко-философский ежегодник '92. М., 1994. С. 155.

и «субъекта-человека в мире» [7, с. 8], исходя из той философской парадигмы, которую он выстраивал ещё до непосредственного обращения к наследию К. Маркса, и основы которой сложились в 1920-е гг. Начав с идеи творческой самодетельности как основании личностного бытия, на последнем этапе своего философского творчества автор приходит к манифестирующему выводу о «*онтологическом статусе*» субъективного [7, с. 12]. Здесь, наделяя субъектностью само бытие, мыслитель определяет субъект как сущность и субстанцию (в терминах Рубинштейна – личностный принцип [4]). Таким образом, расширительное употребление понятия субъекта описательно охватывает не только область психических значений, но, прежде всего, область онтологического, бытие как таковое. Личность равно как для раннего, так и для позднего С. Рубинштейна, есть ответственность в бытии. Если для раннего Рубинштейна важна индивидуальная личность-субъект, то на более позднем этапе его творчества дихотомия коллективного–индивидуального снимается у него в «единстве Человечества» – в диалектическом тождестве этического субъекта. «Человек есть в максимальной мере личность, когда в нём минимум нейтральности, безразличия, равнодушия и максимум «партийности» (*комментарий мой* – Ю. К.) (идейное «не-алиби в бытии) по отношению ко всему общественно значимому»¹.

С. Л. Рубинштейн – философ мира, философ жизни, не Универсума, не объективного, запредельного познанию трансцендентного бытия. Весь его исследовательский пафос направлен на изучение человеческого, субъектного бытия (с позиций психологической теоретической науки) и личностной субстанциальности, по-новому понятой онтологии, заменившей собой «уходящую натуру» неокантианства («логику субстанциональной безликости» [8, с. 249]). В поздних трудах автора философия личности Рубинштейна обретает твёрдую почву онтологической однозначности, выступает в качестве нового онтологического принципа, отвергая подмену субстанции онтологизацией её атрибутивных свойств (событий, поступков и т. п.). Идея *активности бытия*, пришедшая из неокантианства, является узловой концентрацией, своего рода *идейной* основой философского (и психологического) творчества мыслителя, спаивающей воедино все периоды развития философско-психологической концепции С. Л. Рубинштейна, противоречивого в своей явленной исторической форме (неокантианство vs марксизм), но внутренне (парадигмально) абсолютно целостного научного знания.

Статья поступила
в редакцию 30.10.2019

ЛИТЕРАТУРА

1. Абульханова-Славская К. А. Проблемы жизни и творчества С. Л. Рубинштейна // Психологический журнал. 1989. Т. 10. № 5. С. 25–36.
2. Абульханова-Славская К. А., Брушлинский А. В. Философско-психологическая концепция С. Л. Рубинштейна: К 100-летию со дня рождения. М.: Наука, 1989. 248 с.

3. Абульханова К. А., Славская А. Н. Проблемы методологии науки и философской антропологии в контексте парадигмы субъекта С. Л. Рубинштейна // Философия не кончается... Из истории отечественной философии XX века. В 2-х кн. / под ред. В. А. Лекторского. Кн. II. М.: РОССПЭН, 1998. С. 328–352.
4. Абульханова К. А. С. Л. Рубинштейн – ретроспектива и перспектива [Электронный ресурс] // Научное психологическое общество им. С. Л. Рубинштейна [сайт]. URL: <http://rubinstein-society.ru/cntnt/nauchnie-raboti/raboti-k-a-abulh/ff.html>
5. Абульханова К. А., Славская А. Н. Субъект в философской антропологии и онтологической концепции С. Л. Рубинштейна // Сергей Леонидович Рубинштейн / под ред. К. А. Абульхановой-Славской. М.: РОССПЭН, 2010. С. 23–76.
6. Абульханова К. А. Принцип субъекта в философско-психологической концепции С. Л. Рубинштейна // Сергей Леонидович Рубинштейн / под ред. К. А. Абульхановой-Славской. М.: РОССПЭН, 2010. С. 76–118.
7. Абульханова К. А., Славская А. Н. Предисловие // Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. СПб.: Питер, 2017. С. 6–33.
8. Батищев Г. С. Философское наследие С. Л. Рубинштейна и проблема креативности // Сергей Леонидович Рубинштейн. Очерки. Воспоминания. Материалы / под ред. К. А. Абульхановой-Славской. М.: Наука, 1989. С. 245–277.
9. Белов В. Н., Н. А. Дмитриева. Русское неокантианство: «Марбург» в России. Историко-философские очерки (рецензия) // Вопросы философии. 2008. № 4. С. 181–184.
10. Дмитриева Н. А. Новые штрихи к портретам философов. Два письма Э. Кассирера к С. Л. Рубинштейну // Вопросы философии. 2016. № 2. С. 127–136.
11. Деборин А. М. Введение в философию диалектического материализма. М.: Либроком, 2017. 384 с.
12. Ждан А. Н., Щекотихина И. В. Возвращаясь к Рубинштейну: эволюция в трактовке методологических принципов психологии // Психологический журнал. 2015. Т. 36. С. 50–60.
13. Зинченко В. П. Философско-гуманитарные истоки психологии действия // Вопросы философии. 2014. № 3. С. 73–84.
14. Ильин В. В. Теория познания. Герменевтическая методология. Архитектура понимания. М.: Проспект, 2017. 184 с.
15. Колесниченко Ю. В. Личность в русской философии 1920–1930-х годов: биография идеи. М.: Энциклопедист-Максимум, 2018. 416 с.
16. Колесниченко Ю. В. Личность как бытие: концепция личности в ранних философских работах М. М. Бахтина // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. 2011. № 4 (36). С. 65–79.
17. Лекторский В. А. Немецкая философия и русская гуманитарная мысль: С. Л. Рубинштейн и Г. Г. Шпет // Вопросы философии. 2001. № 10. С. 129–139.
18. Махлин В. Л. Г. Коген и М. Бахтин: к истории рецепции // Герман Коген в истории русской философии: тезисы докладов. М., 2018. с. 22.
19. Неокантианство немецкое и русское: между теорией познания и критикой культуры / под ред. И. Н. Грифцовой, Н. А. Дмитриевой. М.: РОССПЭН, 2010. 567 с.
20. Ракитянский Н. М. Концепт и принцип субъектности в политико-психологических исследованиях [Электронный ресурс] // Российская политическая наука: истоки, традиции и перспективы. М., 2014. URL: https://www.academia.edu/34754141/концепт_и_

принцип субъектности в политико-психологических исследованиях

21. Славская А. Н. Основы психологии С. Л. Рубинштейна: Философское обоснование развития. М.: Институт психологии РАН, 2015. 344 с.
22. Сокулер З. А. Герман Коген и философия диалога. М: Прогресс-Традиция, 2008. 312 с.
23. Шевцов А. Философская антропология Серафима Автократова // Автократов С. П. Учебник психологии. Иваново: Роща, 2017. С. 3–28.

REFERENCES

1. Abulkhanova-Slavskaya K. A. [Problems of the life and work of S. L. Rubinstein]. In: *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological magazine], 1989, vol. 10, no. 5, pp. 25–36.
2. Abulkhanova-Slavskaya K. A., Brushlinsky A. V. *Filosofsko-psikhologicheskaya kontseptsiya S. L. Rubinshteina: K 100-letiyu so dnya rozhdeniya* [The philosophical and psychological concept of S. L. Rubinstein: the 100th anniversary of the birth]. Moscow, Nauka Publ., 1989. 248 p.
3. Abulkhanova K. A., Slavskaya A. N. [Problems of methodology of science and philosophical anthropology in the context of the paradigm of the subject of S. L. Rubinstein]. In: Lektorsky V. A., ed. *Filosofiya ne konchaetsya... Iz istorii otechestvennoi filosofii XX v. V 2-kh kn.* [Philosophy never ends... From the history of Russian philosophy of the twentieth century. In 2 vol.]. Vol. II. Moscow, POSSPEN Publ., 1998. P. 328–352
4. Abulkhanova K. A. [S. L. Rubinstein – retrospect and prospect]. In: *Nauchnoe psikhologicheskoe obshchestvo im. S. L. Rubinshteina* [Scientific psychological society. S. L. Rubinstein]. Available at: <http://rubinstein-society.ru/cntnt/nauchnie-raboti/raboti-k-a-abulh/ff.html>
5. Abulkhanova K. A., Slavskaya A. N. [The subject of philosophical anthropology and ontological concept of S. L. Rubinstein]. In: Abulkhanova-Slavskaya K. A., ed. *Sergei Leonidovich Rubinshtein* [Sergey Leonidovich Rubinstein]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010. P. 23–76.
6. Abulkhanova K. A. [The principle of the subject in the philosophical-psychological concept of S. L. Rubinstein]. In: Abulkhanova-Slavskaya K. A., ed. *Sergei Leonidovich Rubinshtein* [Sergey Leonidovich Rubinstein]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010. pp. 76–118.
7. Abulkhanova K. A., Slavskaya A. N. *Predislovie* [Preface]. In: Rubinshtein S. L. *Bytie i soznanie* [Being and consciousness]. S. Petersburg, Piter Publ., 2017. P. 6–33.
8. Batishchev G. S. [Philosophical heritage of S. L. Rubinstein and the problem of creativity]. In: Abulkhanova-Slavskaya K. A., ed. *Sergei Leonidovich Rubinshtein Ocherki. Vospominaniya. Materialy* [Sergey Leonidovich Rubinstein. Essays. Memories. Materials]. Moscow, Nauka Publ., 1989. P. 245–277.
9. Belov V. N. [N. A. Dmitrieva. Russian neo-Kantianism: «Marburg» in Russia. Historical and philosophical essays (review)]. In: *Voprosy filosofii* [Philosophy questions], 2008, no. 4, pp. 181–184.
10. Dmitrieva N. A. [New touches to the portraits of philosophers. Two letters of Ernst Cassirer to S. L. Rubinstein]. In: *Voprosy filosofii* [Philosophy questions], 2016, no. 2, pp. 127–136.
11. Deborin A. M. *Vvedenie v filosofiyu dialekticheskogo materializma* [Introduction to the philosophy of dialectical materialism]. Moscow, Librokom Publ., 2017. 384 p.
12. Zhdan A. N., Shchekotikhina I. V. [Getting back to Rubinstein: evolution in the interpretation of the methodological principles of psychology]. In: *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological journal], 2015, vol. 36, pp. 50–60.

13. Zinchenko V. P. [Philosophical origins of psychology in humanitarian action]. In: *Voprosy filosofii* [Philosophy questions], 2014, no. 3, pp. 73–84.
14. Ilin V. V. *Teoriya poznaniya. Germenevticheskaya metodologiya. Arkhitektura ponimaniya* [The theory of knowledge. Hermeneutic methodology. The architecture of understanding]. Moscow, Prospekt Publ., 2017. 184 p.
15. Kolesnichenko Y. V. *Lichnos v russkoi filosofii 1920–1930-kh godov: biografiya idei* [Personality in Russian philosophy of the 1920–1930th years: a biography of the idea]. Moscow, Entsiklopedist-Maksimum Publ., 2018. 416 p.
16. Kolesnichenko Y. V. [Personality as being: the concept of personality in early philosophical works by M. M. Bakhtin]. In: *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 1: Bogoslovie. Filosofiya* [Bulletin of the Orthodox St. Tihon Humanitarian University. Series 1: Divinity. Philosophy], 2011, no. 4 (36), pp. 65–79.
17. Lektorsky V. A. [German philosophy and Russian humanitarian thought: S. L. Rubinstein and G. G. Shpet]. In: *Voprosy filosofii* [Philosophy questions], 2001, no. 10, pp. 129–139.
18. Makhlin V. L. [G. Cohen and M. Bakhtin: towards a history of the reception]. In: *German Kogen v istorii russkoi filosofii* [Hermann Cohen in the history of Russian philosophy]. Moscow, 2018, p. 22.
19. Griftsova I. N., Dmitrieva N. A., ed. *Neokantianstvo nemetskoe i russkoe: mezhdu teorii poznaniya i kritiki kultury* [Neo-Kantianism German and Russian: between theory of knowledge and the critique of culture]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010. 567 p.
20. Rakityansky N. M. [The concept and principle of subjectivity in political and psychological research]. In: *Rossiiskaya politicheskaya nauka: istoki, traditsii i perspektivy* [The Russian political science: origins, traditions and perspectives]. Moscow, 2014. Available at: https://www.academia.edu/34754141/КОНЦЕПТ_И_ПРИНЦИП_СУБЪЕКТНОСТИ_В_ПОЛИТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ_ИССЛЕДОВАНИЯХ
21. Slavskaya A. N. *Osnovy psikhologii S. L. Rubinshteina: Filosofskoe obosnovanie razvitiya* [Fundamentals of psychology S. L. Rubinstein: a Philosophical study of development]. Moscow, Institute of psychology of RAS Publ., 2015. 344 p.
22. Sokuler Z. A. *German Kogen i filosofiya dialoga* [Hermann Cohen and the philosophy of dialogue]. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2008. 312 p.
23. Shevtsov A. [Philosophical anthropology Seraphim Avtokratova]. In: Avtokratov S. P. *Uchebnik psikhologii* [A Textbook of psychology]. Ivanovo, Roshcha Publ., 2017. P. 3–28.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Колесниченко Юлия Викторовна – доктор философских наук, профессор Московского государственного областного университета;
e-mail: julikol@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yulia V. Kolesnichenko – Doctor of Philosophical science, professor, Moscow Region State University;
e-mail: julikol@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Колесниченко Ю. В. Личность как самодеятельное бытие – особое неокантианство С. Л. Рубинштейна // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2019. № 4. С. 24–41.
DOI: 10.18384/2310-7227-2019-4-24-41

FOR CITATION

Kolesnichenko Y. Personality (litchnost') as self-active being – special neo-kantianism in S. Rubinstein's works. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2019, no. 4, pp. 24–41.
DOI: 10.18384/2310-7227-2019-4-24-41